

УДК 159.2 + 616.89.

СМЫСЛОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ МЕХАНИЗМОВ ПЕРЕЖИВАНИЯ ТРАВМАТИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ РАБОТНИКАМИ УГЛЕДОБЫВАЮЩЕГО ПРЕДПРИЯТИЯ*А. В. Полетаева, А. В. Серый, Н. Р. Хакимова***SEMANTIC CHARACTERISTICS OF THE PSYCHOLOGICAL MECHANISMS OF EXPERIENCING TRAUMATIC EVENTS OF WORKERS OF THE COAL ENTERPRISES***A. V. Poletaeva, A. V. Seryy, N. R. Khakimova**Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 11-16-42006а/Т.*

В статье обсуждается вопрос о переживании травматического события работниками угледобывающего предприятия. Выделены структурные и функциональные характеристики смысловой составляющей переживания. Показана роль актуального смыслового состояния в переживании травматического опыта, описаны психологические механизмы переживания.

The paper discusses the experience of traumatic events employees ugh-ледобывающего of the enterprise. Allocated structural and functional characteristics of the semantic composition-the crucial aspects of the experience. Shows the role of the contemporary meaning status in the experiencing of the traumatic experience, describes the psychological mechanisms of the experience.

Ключевые слова: травматическое событие, посттравматический стресс, травматический опыт, механизмы переживания, личностный смысл, актуальное смысловое состояние.

Keywords: traumatic event, post-traumatic stress disorder, traumatic experience, mechanisms experiences, personal meaning, actual semantic status.

Актуальность проблемы. Риски производственного травматизма относятся к числу отраслевых рисков угольной индустрии. Включение России в сферу стран с рыночным регулированием экономики привело к значительному изменению условий труда на многих предприятиях угольной промышленности. Ужесточение конкуренции и ориентация на максимальную прибыль повлекли за собой уменьшение затрат на мероприятия по сохранению здоровья и безопасности труда работающих в опасных условиях, что, в свою очередь, зачастую приводит к нарушению техники безопасности и служит причиной несчастных случаев на производстве.

Сегодня, несмотря на усилия изобретателей, ученых, инженеров по созданию более безопасных условий труда на угледобывающих предприятиях, по снижению рисков, способных привести к нежелательным, а порой к трагическим последствиям, человечество постоянно сталкивается с различными катастрофами, авариями, чрезвычайными ситуациями, возникающими по вине человека. Перед специалистами стоит задача разработки программ психологической профилактики несчастных случаев в трудовой деятельности шахтеров и реабилитации работников, пострадавших вследствие аварий на производстве. Для ее решения необходима разработка концепции переживания работниками несчастных случаев в профессиональной деятельности. Имеющийся у нас опыт работы по проблематике совладания с травматическими событиями позволяет нам утверждать, что, хотя интерес к этой проблеме продолжает расти, в психологической науке вопрос о способах переживания шахтерами несчастных случаев на производстве и факторах преодоления негативных психологических последствий аварий и травм относится к числу малоизученных.

Исторический экскурс в проблему переживания травматического события. С начала 80-х гг. XX века в зарубежной психологии сформировалось исследовательское направление, занимающееся изучением проблемы экстремальных перегрузок. В результате сложились такие понятия, как «психическая травма», «травматические перегрузки», «травматическое событие», «травматический стресс». Однако, как справедливо отмечает М. Перре, несмотря на частое употребление этих терминов, их определение до сих пор весьма расплывчато и неоднозначно [6, с. 365]. «Перекочевав» в отечественную литературу, не имеющую четко оформленного теоретико-методологического базиса исследований данной проблематики, эти понятия тем более не получили должного прояснения.

В отечественной психологии основные направления исследований функционирования индивида в стрессовых и потенциально травматических условиях определили Ю. А. Александровский, Ф. Б. Березин, Е. С. Калмыкова, Ц. П. Короленко, М. Ш. Магомед-Эминов, Ф. З. Меерсон, В. Я. Семке, Н. В. Тарабрина и др. Большинство исследователей эта проблема рассматривались в основном в рамках стрессологии и психопатологии (В. А. Бодров, М. Е. Зеленова, Е. О. Лазебная, А. Г. Маклаков, Н. Н. Пуховский, А. Л. Пушкарев, Е. В. Снедков). К настоящему времени наиболее интенсивно исследовалась связь травматических жизненных событий с посттравматическими стрессовыми расстройствами [4; 12; 15; 16]. На наш взгляд, преимущественное рассмотрение круга данных вопросов с методологических позиций клинического подхода не учитывает смысло-жизненной проблематики преодоления травматического опыта. Однако существует немало исследований, в которых можно найти прямое или косвенное подтверждение связи способов преодо-

ния травматического опыта с особенностями ценностно-смысловой сферы личности [1; 4; 7; 8; 10; 14]. Еще В. Н. Мясичев высказывал мысль о том, что в психогениях патогенную причинную роль имеют нарушения отношений, понимаемые им как целостная система индивидуальных, избирательных связей личности с различными сторонами объективной действительности [10]. Л. И. Анцыферова отмечает, что проблема «копинга», или преодоления, стала разрабатываться отдельно от нравственных проблем, что является существенным препятствием на пути раскрытия сущности стратегий преодоления, потому как имеются все основания полагать, что эти два направления исследований соединяются тесно и органично [1, с. 15]. Б. В. Зейгарник предполагала, что глубина и устойчивость ценностных установок способны воспрепятствовать разрушительному влиянию многих болезненных состояний, таких, например, как при психической травме [5, с. 8].

Руководствуясь принципом системного детерминизма (С. Л. Рубинштейн, В. Н. Мясичев, Б. Ф. Ломов, К. А. Абульханова-Славская) и концепцией смысловой структуры сознания (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев), мы рассматриваем травматическое событие как функцию интегративного фактора внешней и внутренней реальности субъекта. Интенсивность и глубина влияния события на личность определяется не только исходя из внешнего деструктивного воздействия, но также из внутренних, психологических особенностей личности, особое место в системе которых занимает смысловая структура сознания, определяющая индивидуальные различия в силе и направленности разрушающего эффекта.

В контексте современных социальных, культурных, экономических трансформаций перед человеком на разных этапах его жизненного пути возникают различные по содержанию и силе стрессовые ситуации, которые предъявляют совершенно новые требования к его психическим возможностям успешно переживать, разрешать или предотвращать их [2, с. 520]. Травматическое событие предъявляет к человеку требования, зачастую превышающие ресурсы индивида. При столкновении с травматическим событием происходит активизация особой, специфической системы психологических явлений, предназначенной либо для преодоления трудностей или уменьшения их отрицательных последствий, либо для избежания этих трудностей, либо для развития способности принятия факта их присутствия [9]. Процесс преодоления как сложноорганизованная деятельность субъекта протекает на разных уровнях функционирования психики и определяется особенностями деятельности комплекса психологических механизмов. Теоретический анализ позволяет заключить, что в существующих представлениях о психологических механизмах преодоления травматического опыта нашли отражение два основных направления научных исследований.

Первое направление связано с изучением психологической защиты. От исследований психологических защит берут начало истоки современного изу-

чения способов и форм преодоления, лежащих за пределами сознательного контроля индивида. Первоначально психологическая защита понималась преимущественно как интрапсихический феномен (З. Фрейд, А. Фрейд). Со временем термин «психологическая защита» начинает адресоваться и к межличностным феноменам как к своим аналогам (А. У. Хараш, Б. Ф. Поршнев, Г. Г. Дилигенский). Ряд отечественных исследователей (В. Ф. Бассин, А. А. Деркач, Г. В. Грачев, В. А. Агарков) обратили внимание также и на проблему психологической защиты от воздействия внешней среды.

Второе направление исследований переносит свое внимание на сознательный уровень функционирования психических процессов, связанный с действием такого механизма, как совладание. К настоящему времени в трудах зарубежных психологов сложились три основных подхода к толкованию понятия «coping». В рамках первого, представленного в работах Н. Хаан, он трактуется как один из способов психологической защиты, используемый для ослабления напряжения. Для представителей второго подхода (П. Коста, Р. МакКре, Р. С. Мос) ключевым вопросом является выявление степени эффективности определенных диспозиционных тенденций, обозначаемых как стили совладания – устойчивые индивидуальные различия в преодолении стресса. Согласно третьему подходу, coping определяется как то, что человек думает и делает для преодоления требований травматической ситуации и необязательно относится к личностным чертам или устойчивым диспозициям (Р. Лазарус и С. Фолькман).

В соответствии с основными положениями деятельности подхода А. Н. Леонтьева, развитыми в работах Ф. Е. Василюка, преодоление травматического события происходит в процессе переживания – особого рода внутренней деятельности по трансформации внутреннего мира, изменению смысловых ориентиров жизнедеятельности личности, восстановлению связей между различными компонентами смысловой сферы личности [3]. По нашему мнению, данное понятие является наиболее комплексным, раскрывающим разные стороны процесса преодоления и отражающим все уровни протекания психических процессов.

Отталкиваясь от понимания В. Н. Мясичевым последовательности изменений психической деятельности как процесса, развивающегося на фоне общего функционального уровня – состояния [10], мы поставили своей задачей описать работу психологических механизмов переживания травматического опыта через обуславливающие их состояния. На предыдущем этапе исследования было установлено, что отличительной особенностью психического состояния индивида, столкнувшегося с травматическими обстоятельствами, является неспособность к установлению временных связей и осмыслению событий разных временных модусов [11]. Поэтому в данном контексте мы будем придерживаться выделенной А. В. Серым классификации типов актуального смыслового состояния (ACC), базирующейся на временных аспектах направленности вектора

смысла [13]. Придерживаясь представления о наличии противоречия в смысловой системе личности в кризисной ситуации, автор переносит акценты на функционирование временных локусов смысла, то есть смыслов настоящего в контексте определенного отношения к будущему и прошлому опыту индивида. Необходимым условием эффективного функционирования индивида является синхронизация временных локусов. Процесс синхронизации формирует особое состояние личности, обозначаемое автором как актуальное смысловое состояние (АСС), представляющее собой форму переживания совокупности актуализированных, генерализованных смыслов, размещенных во временной перспективе [там же, с. 107]. Типы АСС отражают различную степень смысловой связанности элементов жизненного опыта, располагающихся в определенной последовательности в пространстве субъективной временной реальности индивида и воспринимаемых им с позиции настоящего.

Методы исследования. При решении поставленных в исследовании задач использовались следующие методики: опросник травматических событий LEQ, разработанный под руководством Н. В. Тарабриной; гражданский вариант Миссисипской шкалы для оценки посттравматических реакций; тест СМОЛ; репертуарный тест личностных конструктов; методика ценностного спектра Д. А. Леонтьева; тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

Выборка. В исследовании приняли участие 75 работников предприятий Кузбасса, ведущих добычу угля подземным способом (горные мастера, горные диспетчеры, начальники участков), имеющие опыт переживания травматического события (аварийная ситуация, участие в ликвидации аварии, производственная травма, несчастный случай на производстве) и повышающие квалификацию по программе, разработанной Кемеровским региональным институтом повышения квалификации работников угольной промышленности.

Результаты исследования и их обсуждение. С целью изучения роли связанности событий различных временных модусов в переживании травматического события работниками угольного предприятия был проведен дисперсионный однофакторный анализ, где в качестве переменных, обуславливающих результативный признак, выступали типы АСС. В качестве результативного признака была выбрана Миссисипская шкала как показатель, отражающий наличие такого негативного психологического последствия травматического события, как посттравматический стресс (ПТС). Поскольку актуальные смысловые состояния, характеризующие условия действия фактора, демонстрируют различную степень осмысленности и целостности восприятия событий прошлого, настоящего и будущего, соответственно, типы АСС представляют степень градации действующего фактора.

В первую группу, выделенную на основании действия данного фактора, вошли работники с низкими показателями осмысленности психологического прошлого, настоящего и будущего, что является

показателем дискретности восприятия жизненного пути, утраты связей между жизненными событиями. Вторую группу составили испытуемые с жесткой фиксацией на определенном временном периоде, на что указывают низкие показатели осмысленности одного или нескольких модусов. Соответственно, третья группа включила исследуемых, которым свойственно целостное, осмысленное восприятие как происходящего в настоящий момент времени, так и случившегося в ближайшем и отдаленном прошлом, а также предполагаемого будущего. Количество испытуемых, составивших каждую группу, составило 13, 25 и 37 человек для каждой выделенной группы соответственно.

В результате проведенного дисперсионного анализа было выявлено, что различия в степени выраженности признаков ПТС между группами являются более значимыми, чем случайные различия внутри каждой группы, что показывает изменение результативного признака (ПТС) в зависимости от градации фактора (критерий $F = 9,621$ при $p = 0,0002$). Это указывает на обнаружение статистически достоверного влияния осмысленности переживаемого опыта и взаимосвязи между событиями разных временных этапов жизни на переживание травматического события, причем количественный показатель выраженности посттравматического стресса монотонно меняется в зависимости от степени продуктивности смыслового состояния.

Следующим этапом исследования было определение элементов, входящих в смысловую структуру, и принципов связей между ними. С этой целью была использована методика Ценностного спектра (ЦС), где в качестве оцениваемых объектов выступили несколько категорий, выделенных нами по принципу их отнесения к наиболее общим смысловым образованиям, в большей степени подверженным влиянию травматических событий. К числу таких смысловых образований были отнесены представления: 1) об окружающем мире, закономерностях его устройства, функционирования и о своем месте в нем; 2) об окружающих людях; 3) о самом себе.

В качестве оцениваемых объектов (понятий), отражающих различные аспекты данных смысловых образований, выступали: «Окружающий мир», «Человек», «Я», «Дружба», «Любовь», «Семья», «Прошлое», «Настоящее», «Будущее». На наш взгляд, выделенные объекты могут быть условно взяты с целью построения модели функционирования системы смыслов и связей между ведущими и периферическими смысловыми образованиями.

Для изучения структуры смысловых состояний работников угольного предприятия, переживающих травматическое событие, определения количественных и качественных характеристик связи между элементами системы использовался корреляционный анализ. Для более полной структурной характеристики моделей переживания данные, полученные при проведении корреляционного анализа, были дополнены кластерным анализом. Использовался метод одиночной связи. В качестве объектов для кластеризации были приняты признаки, которыми вы-

ступили ценностные спектры категорий, отражающих ряд находящихся под влиянием травматического события смысловых образований.

Рассмотрение корреляционных связей между объектами в группах дало основание для выделения трех основных механизмов переживания травматического события.

В первой группе переживание травматического опыта опосредуется через механизм, получивший условное название «*Разрыв смысловых связей*». Испытуемых, демонстрирующих действие данного механизма переживания, отличает самое малое количество корреляционных связей между объектами. Всего было обнаружено 8 значимых связей.

Наибольшее количество значимых связей в этой группе было получено с категорией «Будущее». Такие категории, как «Любовь» и «Прошлое», при действии данного механизма не обнаружили ни одной значимой связи с другими объектами. «Выпадение» категорий «Дружба» и «Любовь» позволяет рассматривать данный феномен как своего рода блокировку ценностей метауровня. Данные смысловые образования у обследуемой группы носят статус автономных, обособленно функционирующих, не включенных в целостную систему. Особенностью функционирования механизма является нарушение связей между элементами смысловой сферы, разрушение ведущих смысловых образований, сегментарная организация системы личностных смыслов.

Кластерный анализ показал, что смысловые образования, отражающие некоторые актуальные для человека жизненные сферы, значительно удалены друг от друга. Так, наиболее близкие пары элементов – «Человек» – «Я», «Семья» – «Настоящее» – объединены на достаточно большом расстоянии (65 и 71 единица соответственно). Объединение всех смысловых образований в один общий кластер происходит на расстоянии 125 единиц. Неэффективное функционирование механизма преодоления травматического события обуславливается таким расположением смысловых образований, при котором их элементы воспринимаются как имеющие мало общего, не схожие в субъективном восприятии индивида друг с другом и потому обнаруживающие затруднения в реальном жизненном воплощении.

Относительно эффективный механизм переживания, обнаруженный у испытуемых второй группы, получил название «*Фиксация смысла*». Данный механизм отличает большее, чем при действии первого механизма, количество связей между элементами смысловой системы. Всего в обследуемой группе было выявлено 15 значимых корреляций.

Для структуры смысловых связей между категориями характерны разветвленность, более сложная опосредованность и устойчивость. Достаточно четко выделяется центр корреляционной плеяды («Будущее»), обнаруживающий максимальное число связей с остальными объектами, что свидетельствует о жесткой фиксации системы личностных смыслов на одном ведущем смысловом образовании.

Кластерный анализ показал уменьшение расстояния между смысловыми категориями при выбо-

ре более оптимальных средств совладания. Как и в предыдущем случае, наиболее близкой парой элементов является «Человек» – «Я», однако расстояние между составляющими этой подгруппы уже значительно меньше (35 единиц). При данном варианте переживания объекты, объединенные в кластеры, демонстрируют наибольшую склонность к выраженной интеграции и тенденцию проявляться совместно. В один большой кластер они объединяются на расстоянии 82 единиц. Для данного механизма свойственна монолитность системы личностных смыслов, низкая автономность, слитность и тесная сцепленность между собой отдельных смысловых образований. Человеку становится сложнее разграничить понятия, отражающие различные смысловые сферы, из-за высокой степени их подобия и подчинения ведущему смыслу. Хотя данный механизм переживания более эффективен с точки зрения преодоления дистресса, такую структуру нельзя считать достаточно устойчивой. Фиксированный, негибкий характер связей между элементами представляет угрозу для всей системы в случае «повреждения» центрального звена. В таком случае разрушается большое количество связей, приводя к автономизации целого ряда элементов.

В третьей группе действует наиболее оптимальный механизм переживания, который был идентифицирован как «*Переструктурирование и образование новых ведущих смысловых образований*». Наибольшее количество высоко значимых связей выявлено с категориями «Будущее», «Любовь» и «Семья», что и позволяет определить их как ведущие при данном механизме переживания. Связи между образованиями характеризуются гибкой опосредованностью и в то же время относительной устойчивостью, о чем свидетельствует наибольшее среди рассматриваемых структур смысловых состояний число значимых связей.

Функционирование данного механизма определяется наиболее сложным, неоднозначным характером расположения элементов, кардинально отличным от рассмотренных ранее структур. Как и в двух предыдущих случаях, наиболее близкими в смысловом пространстве элементами, составляющими один кластер, являются «Человек» – «Я». Расстояние между этими элементами составляет 33 единицы, что говорит о высшей степени их подобия в сравнении с расстояниями, зафиксированными в двух других группах.

Эта парная подгруппа представляет относительно автономную группировку и объединяется с другим кластером на достаточно большом расстоянии – 82 единицы. Расположение элементов целостной системы смыслов демонстрирует относительно малую разницу межкластерных расстояний в одной группе объектов («Окружающий мир» – «Семья» – «Будущее» – «Любовь» – «Настоящее») и достаточно большую при соединении этой группы с другими. Ведущие смысловые образования «Будущее», «Семья» и «Любовь» объединяются в один общий кластер на самом близком по сравнению со структурой смыслов других механизмов, расстоянии

(62 единицы). Ведущие смысловые образования обнаруживают относительно высокую степень подобия и объединены в единый смысловой комплекс, но в то же время не сливаются в слабодифференцируемое единство, а среднеудалены в общем смысловом пространстве.

Для получения более полной информации о возможном характере различных способов переживания травматического события все возможные психологические феномены должны рассматриваться комплексно. Для содержательной психологической характеристики механизмов переживания травматического события нами также использовались показатели тестов СМОЛ, РТЛК. Эти данные были подвергнуты стандартному методу сравнения средних величин по t-критерию Стьюдента.

Оценка актуального психического состояния показала наличие наиболее дисгармоничного профиля у испытуемых первой группы, отчасти напоминающего невротический. Испытуемые демонстрируют пикообразный профиль с повышением по 2-й, 6-й, 3-й шкалам и умеренным повышением по 9-й.

Пик на 2-й шкале с одновременным повышением уровня профиля по 9-й отражает наличие общего депрессивного фона со склонностью к перепадам настроения, а также попытку избавления от дискомфортных переживаний за счет отрицания наличия психологических проблем, связанных с травматическим опытом. Заметим, что наличие депрессивных черт свидетельствует о тенденции обесценивать исходные потребности, что, возможно, и сказывается на выключении ведущих, смыслообразующих ценностей из целостной структуры смыслов. Все это указывает на неадекватность восприятия собственного состояния, отсутствие понимания сущности психотравмирующего опыта и его последствий.

Сочетание с пиками по 6-й и 3-й шкалам говорит о стремлении к вытеснению факторов, вызывающих тревогу, и тенденции к аффективной ригидности, неспособности гибко переключаться в изменяющейся ситуации. Недостаточная гибкость переключения при действии механизма разрыва смысловых связей, на наш взгляд, обуславливается недостаточной развитостью и опосредованностью связей между смысловыми образованиями, а также разрушением ведущих смысловых образований вследствие отсутствия адекватной переработки травматического опыта. Качественно иное психологическое состояние диагностируется при действии механизма «Фиксация смысла». В этой группе испытуемых при анализе результатов СМОЛ также можно заметить наличие широко разбросанного пикообразного профиля, но уже двухфазного, с 9-й и 6-й ведущими шкалами. Повышенная 9-я шкала может выявлять завышенную самооценку, легкость в принятии решений, высокую активность, способность испытывать удовольствие от жизни. Учитывая снижение показателей по этой шкале от первой к третьей группе, вероятнее всего заключить, что данный феномен отражает постепенное ослабление механизма отрицания проблем. Следовательно, во

второй группе начинают активизироваться процесс осознания испытуемыми способов влияния травматического события на жизнедеятельность в настоящем, принятие самого факта наличия психологических проблем и понимания их истоков.

Отмеченный профиль по 6-й шкале, выявляющий устойчивость интересов, сложность переключения, опосредуется фиксацией на одной или нескольких значимых для человека сферах, наиболее характерных именно для данного механизма переживания травматического события. Также отметим незначительное повышение показателей по сравнению с остальными группами по 1-й шкале, диагностирующей соматизацию тревоги. Обнаружение у себя симптомов различных заболеваний, некоторое ухудшение состояния здоровья и сосредоточение внимания на нем может объясняться неосознанной тенденцией перевода психологических проблем в разряд соматических.

В третьей группе, выявленной нами на основании действия механизма «Переструктурирование и образование новых ведущих смысловых образований» отмечается наиболее сглаженный гармоничный профиль с ведущей 9-й шкалой, что указывает на активность жизненной позиции испытуемых, высокий уровень жизнелюбия, уверенность в себе, высокую мотивацию достижений. Такие характеристики данного типа, как умеренное стремление к смене деятельности, впечатлений, отсутствие фиксации на проблеме определяются свойственными данному механизму возможностью гибкого переключения с одной значимой сферы на другую, в основе которой лежит сложно опосредованная, разветвленная система связей между различными ведущими смысловыми образованиями.

Для реконструкции индивидуальной системы смысловых противопоставлений и обобщений, лежащей в основе субъективного отношения к жизненному событию и к самому себе в континууме прошлое-настоящее-будущее, использовался Репертуарный тест личностных конструктов (РТЛК). В качестве элементов предлагаемого ролевого списка для заполнения репертуарной решетки выступали образы «Я в прошлом», «Я в настоящем», «Я в будущем». Испытуемым предлагалось сравнить элементы в ситуации триадического выбора, т. е. выбрать, в чем два элемента из трех предложенных сходны между собой и отличны от третьего. Далее испытуемым предлагалось отметить все элементы, для характеристики которых также применим выявленный полюс каждого конструкта. Затем испытуемые ранжировали элементы по выявленному полюсу каждого конструкта, в результате чего определялась близость элементов, которая интерпретировалась как направленность процесса идентификации «Я-образа» испытуемых к другим элементам ранговой решетки. Также с целью выявления смысловых образований, обуславливающих переживание травматического опыта, проводился анализ семантического поля испытуемых по выявленным конструктам.

Сравнение коэффициентов близости элементов «Я в настоящем» и «Я в прошлом» показало, что наибольшую тенденцию направленности идентификации проявляют испытуемые, прибегающие к неэффективным попыткам переживания травматического опыта. Это лишний раз подтверждает то, что прошлое, содержащее в себе травматический опыт, по-прежнему актуально при действии данного механизма преодоления в силу своей «незавершенности». Учитывая, что испытуемые в рассматриваемой группе обнаруживают наиболее слабую направленность идентификации себя в настоящем с образом «Я в будущем», отметим, что неспособность видеть себя в перспективе указывает на затруднения в долгосрочном планировании, целеполагании.

При переходе к выбору более эффективного варианта совладания расстояния между «Я-образами» прошлого и настоящего увеличиваются, достигая максимальной величины при функционировании оптимального механизма переживания травматического события. Одновременно с этим происходит сближение образа себя в настоящем с «Я в будущем».

Анализ конструктов, используемых испытуемым для характеристики себя и других людей, позволил выявить сферы расположения смысловых образований, участвующих в формировании представления и отношения к определенным элементам полученного травматического опыта. В соответствии со спецификой исследования в ходе семантического анализа было выделено несколько категорий конструктов:

1) отношение к другим – описывающие позицию человека по отношению к другим людям, а также личностные характеристики, проявляющиеся в межличностном общении («жестокость – доброта», «замкнутость – открытость», «общительность – нежелание говорить», «любящие людей – недоверчивые» и т. д.);

2) отношение к себе – конструкты, отражающие принятие или непринятие себя, уверенность или неуверенность в себе и своих способностях, эгоистичность, эгоцентричность и проч. (например, «высокая самооценка – низкая самооценка», «стремление к саморазвитию – пассивность», «самостоятельность – несамостоятельность», «неуверенность в себе – уверенность в себе» и т. д.);

3) экзистенциальные конструкты – позиционирующие общий настрой человека, его жизненное кредо и точку зрения на окружающий мир и свое место в нем («оптимист – пессимист», «реалистические взгляды на происходящее – летает в облаках», «положительное отношение к миру – негативизм», «смотрит в будущее – заиклился на ситуации потери, утраты» и др.);

4) травматическое событие и способы совладания с ним – описывают различные типы тяжелых жизненных ситуаций, внешние и внутренние формы активности, связанные с попытками преодоления, а также последствия этих событий («выход из травматической ситуации – неспособность выхода», «боль потери – адаптированность к создавшимся услови-

ям», «расставание с любимым – хорошая полноценная семья», «связывают глубокие переживания, стрессы – далекий от трагедий и опасностей» и т. д.).

При семантическом анализе выявленных конструктов были обнаружены две категории, демонстрирующие значимые различия между группами – отношение к другим и травматическое событие. Испытуемые, переживающие травматическое событие посредством механизма «Разрыв смысловых связей», для характеристики «Я-образов» и образов знакомых, также столкнувшихся с травматическим опытом, значительно чаще, чем представители других групп, употребляют конструкты, характеризующие межличностные отношения. Возможно, это обусловлено высокой потребностью в поддержке и понимании со стороны значимых лиц при данном механизме переживания.

Такие категории конструктов, как «Отношение к себе» и «Экзистенциальные конструкты», не обнаруживают значимых различий в количественном признаке между группами, однако наблюдается незначительно выраженная тенденция увеличения числа их встречаемости от первой к третьей группе.

С увеличением степени эффективности механизмов переживания связано также увеличение численности конструктов, описывающих травматическое событие, его последствия и способы совладания с ним. Несмотря на то, что по соотношению со всеми остальными категориями конструкт «Травматическое событие» находится на последнем месте в третьей группе, его характеристики все же встречаются чаще, чем во второй группе, и значительно чаще, чем в первой. Следовательно, в данном случае мы должны учитывать и возможную ценность этой категории, а следовательно, и самого опыта переживания для человека. Для эффективного переживания события человеку необходимо приятие самого факта случившегося, включение его в целостную картину мира, обнаружение смысла в произошедшем.

Выводы. Проведенное исследование позволяет заключить, что переживание травматического события работниками угольного предприятия обуславливается процессом трансформации связей между различными компонентами смысловой сферы личности и изменением смысловых ориентиров жизнедеятельности. Можно сделать вывод, что эффективность функционирования механизмов переживания несчастного случая на производстве определяется: 1) образованием новых ведущих смысловых образований, составляющих единый смысловой комплекс; 2) переструктурированием и формированием гибкой, опосредованной сети связей в системе смыслов; 3) осмысленностью событий всех временных модулей с интеграцией травматического события в целостный временной контекст.

Переживание психологических последствий травматического опыта, полученного вследствие аварии на угледобывающем предприятии, опосредуется такими механизмами, как:

– механизм разрыва смысловых связей, специфика которого заключается в нарушении связей между элементами смысловой сферы, «распаде» ве-

дущих смысловых образований, сегментарной организации системы личностных смыслов;

– механизм фиксации смысла, которому свойственны увеличение числа связей между элементами смысловой системы, фиксация на одной наиболее значимой сфере, низкая автономность, слитность и тесная сцепленность между собой отдельных смысловых образований;

– механизм переструктурирования и образования новых ведущих смысловых образований, реализуемый посредством роста силы и численности гибко опосредованных связей между смысловыми образованиями, формированием новых ведущих смыслов.

Функциональными характеристиками, определяющими рост эффективности механизмов переживания травматического события работниками угольного предприятия, являются: степень активности жизненной позиции, уровень жизнелюбия, самооценка, способность гибкого переключения при внезапно меняющейся ситуации, стремление к постановке целей и формированию жизненных перспектив, сила направленности идентификации на образ «Я» в будущем, стремление к рефлексии травматического опыта.

Литература

1. Анцыферова, Л. И. Психология повседневности: жизненный мир личности и «техники» ее бытия / Л. И. Анцыферова // Психологический журнал. – 1993. – № 2. – С. 3 – 16.
2. Бохан, Т. Г. Культурно-исторический подход к проблеме стрессоустойчивости и ее формированию в онтогенезе / Т. Г. Бохан // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: материалы Сибирского психологического форума. – Томск, 2004. – С. 519 – 526.
3. Василюк, Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций / Ф. Е. Василюк. – М.: МГУ, 1984. – 200 с.
4. Грининг, Т. Посттравматический стресс с позиций экзистенциально-гуманистической психологии / Т. Грининг // Вопросы психологии. – 1994. – № 1. – С. 92 – 96.
5. Зейгарник, Б. В. Очерки по психологии аномального развития личности / Б. В. Зейгарник, Б. С. Братусь; МГУ. – М.: МГУ, 1980. – 69 с.
6. Клиническая психология / под ред. М. Перре, У. Бауманна. – СПб.: Питер, 2002. – 1312 с.
7. Магомед-Эминов, М. Ш. Личность и экстремальная жизненная ситуация / М. Ш. Магомед-Эминов // Вестник МГУ, сер. 14 «Психология». – 1996. – № 4. – С. 26 – 35.
8. Мазур, Е. С. Смысловая регуляция негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении / Е. С. Мазур, В. Б. Гельфанд, П. В. Качалов // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13. – № 2. – С. 71 – 86.
9. Муздыбаев, К. Стратегия совладания с жизненными трудностями: теоретический анализ / К. Муздыбаев // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1. – № 2. – С. 100 – 111.
10. Мясичев, В. Н. Психологическая наука в СССР. / В.Н. Мясичев. – Т. 2. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1960. – 372 с.
11. Полетаева, А. В. Особенности смысловых ориентаций лиц с признаками посттравматического стрессового расстройства / А. В. Полетаева // Методологические проблемы современной психологии: иллюзии и реальность: материалы Сибирского психологического форума. – Томск, 2004. – С. 430 – 437.
12. Семке, В. Я. Типология и клиническая динамика посттравматических стрессовых расстройств у комбатантов / В. Я. Семке, Е. М. Епанчинцева // Российский психиатрический журнал. – 2001. – № 5. – С. 19 – 23.
13. Серый, А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика / А. В. Серый; КемГУ. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. – 272 с.
14. Торчинская, Е. Е. Роль ценностно-смысловых образований личности в адаптации к хроническому стрессу (на примере спинальных больных) / Е. Е. Торчинская // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22. – № 2. – С. 27 – 35.
15. Brewin, C. R. A Dual Theory of Posttraumatic Stress Disorder / C. R. Brewin, T. Dalgleish, S. Joseph // Psychological Review. – 1996. – Vol. 103. – №. 4. – P. 670 – 686.
16. Horowitz, M. J. Stress response syndromes / M. J. Horowitz. – New York: Aronson, 1976. – P. 311.
17. Sery, A. Modification of Purpose-in-Life Test / A. Sery, A. Yupitov // 28 Congreso Interamericano de Psicologia. – Santiago, Chili, 2001. – P. 127.